

Лань Чжуй подпёр подбородок рукой и, не сводя глаз с удаляющейся спины, задумчиво прищурился.

Фан Юньсюань только успел вернуться в свой флигель, как на пороге столкнулся с влетевшей туда Фан Мэн.

— Куда ты так спешишь?

Увидев его, Фан Мэн сразу просияла:

— Старший брат, с тобой всё в порядке? В крепости говорят, что люди из Культа Линъюнь сами заявили к нам, да ещё и напали на вас в парадном зале!

— Ничего страшного не случилось, — Юньсюань провёл её в комнату и усадил. — У сектантов полно всяких подлых приёмов, впредь нам нужно быть осторожнее.

Он мягко накрыл своей ладонью её руку, лежащую на столе:

— Сейчас я даже жалею, что позволил тебе вернуться в это время.

Фан Мэн кокетливо улыбнулась и сжала его руку в ответ:

— Только сражаясь бок о бок со старшим братом, я чувствую, что достойна быть твоей женщиной.

В глазах Юньсюаня мелькнуло трогательное чувство. Склонившись, он поцеловал её нежные губы. Фан Мэн густо покраснела, но не стала сопротивляться, послушно приоткрыв рот и впуская его язык. Спустя долгое время они неохотно отстранились друг от друга. Фан Мэн, глядя на тяжело дышащего Фан Юньсюаня, ласково прильнула к нему:

— Старший брат...

Однако Юньсюань крепко обнял её, а затем слегка оттолкнул:

— Мэн-эр, давай отложим всё до свадьбы.

Фан Мэн решительно покачала головой, встала и плотно закрыла дверь, задвинув засов. Когда она обернулась, её лицо пылало алым, она стыдливо опустила глаза и медленно развязала пояс своего платья. Тонкая нежно-розовая ткань соскользнула на пол, обнажая перед Фан Юньсюанем её безупречные изгибы.

— Мэн-эр, что ты делаешь?

Фан Мэн прижалась к нему, её щёки горели:

— Старший брат, отец сказал мне, что завтра, как только ты примешь полномочия главы альянса, он сразу же начнёт подготовку к нашей свадьбе.

Фан Юньсюань, будучи молодым и горячим, в этот момент совершенно растерялся. Нежное тело в объятиях сбило его с толку, и он не знал, куда деть руки. Фан Мэн, набравшись смелости, перехватила его правую руку и прижала к своей груди:

— Старший брат, я люблю тебя, не подведи меня!

Фан Юньсюань мог лишь в замешательстве кивать, позволяя ей увлечь себя на кровать, где она опустила полог...

Зелёные травы, густой горный туман. Под покровом ночи здесь веяло жутью. На сером камне высотой в полчеловека было чётко высечено: «Лес Священного Древа».

Огненно-красный силуэт пронёсся мимо и, спотыкаясь, бросился вглубь леса. Его левое плечо, которое он прижимал рукой, непрерывно кровоточило, оставляя на земле длинный след.

Миновав чащу, он увидел подземный вход. Стражник при виде него испугался:

— Левый страж, вы ранены!

Гун Цюйчэнь махнул рукой:

— Со мной всё в порядке. Позовите Правого стража в мои покои.

Стражник открыл проход, и он, шатаясь, вошёл внутрь. Миновав извилистый лабиринт, он оказался в огромном подземном дворце. Это и была главная резиденция Культа Линъинь, который праведные мастера боевых искусств ненавидели до мозга костей.

Охрана здесь была строжайшей: тот самый извилистый путь был усеян ловушками. Тот, кто не знал дороги, мог в любой момент погибнуть от скрытых механизмов.

Гун Цюйчэнь наконец смог перевести дыхание, добравшись до своей комнаты. Если бы эти так называемые праведники продолжили преследование, он бы сегодня точно не вернулся живым.

— Похоже, рана серьёзная. — У входа стоял мужчина в бледно-зелёном одеянии. Он слегка нахмурился, его взгляд скользнул по раненому, а затем он тихо рассмеялся. Эта улыбка была настолько чистой и прекрасной, что казалась неземной, затмевая собой и солнце, и луну.

Это был Правый страж, Лань Чжуй.

Гун Цюйчэнь, однако, проигнорировал красоту соратника и рыкнул:

— Чего ворчишь? Мне невыносимо больно!

Лань Чжуй не спеша подошёл к кровати, отложил свёрток с лекарствами и рывком разорвал одежду на плече Гун Цюйчэня. Увидев рану, он невольно ахнул:

— Это что ещё такое!

Дело было не в раздробленной кости — Гун Цюйчэнь славился своим буйным нравом и часто любил подразнить мастеров из цзянху, возвращаясь и с более тяжёлыми травмами. Но вот этот след от удара ладонью...

Он слегка склонил голову, украдкой разглядывая лицо Гун Цюйчэня. Тот нахмурился, его лицо выражало обиду, а в упрямых глазах, которые никогда ни перед кем не склонялись, стоял туман. Лань Чжуй испугался не на шутку и, перестав дразнить его, принялся осторожно обрабатывать рану. Но вдруг Гун Цюйчэнь издал стон, и фонтан крови залил всю постель.

Лань Чжуй вскрикнул:

— Цюйчэнь!

Осмотрев его спину, он увидел чёткий черно-фиолетовый отпечаток ладони, который резко выделялся на бледной коже.

Гун Цюйчэнь разразился проклятиями:

— Если бы не тот проклятый Лань Чжуй, который вдруг выскочил из ниоткуда, я бы сегодня перебил всех этих фальшивых святош! — Сказав это, он зашёлся в тяжёлом кашле и повалился на край кровати.

— Ты настоящий безумец! — прошептал Лань Чжуй и, вздохнув, помог ему приподняться. — Я же говорил тебе просто передать весть. Цюйчэнь, почему ты никогда не слушаешь главу культа?

Гун Цюйчэнь жалобно дёрнул уголком губ, и в этом жесте промелькнуло что-то до боли притягательное:

— Ты не поймёшь, Чуцзю. Ты этого никогда не поймёшь.

Он не слушался лишь потому, что хотел, чтобы взгляд того человека хоть на миг задержался на нём подольше.

Лань Чжуй мог лишь снова вздохнуть. Он забрался на кровать, сел напротив и, слегка напрягши внутреннюю силу, начал передавать ему ци, чтобы исцелить раны. Гун Цюйчэнь был

глубоко тронут:

— Чуцзю, только ты относишься ко мне по-доброму...

Прошло два дня. Настал день, когда Фан Хуаньтянь должен был принять пост главы боевого альянса.

Стометровый плац Крепости семьи Фан был битком набит героями цзянху. Фан Хуаньтянь принял посох из рук настоятеля Дэюаня и высоко поднял его. Все присутствующие почтительно поклонились, и раздался оглушительный рёв:

— Поздравляем главу альянса Фана!

Во время банкета Фан Хуаньтянь был явно счастлив и не мог скрыть улыбки. Постоянно кто-то подходил, чтобы поднять чашу и обменяться любезностями. Фан Юньсюань сидел рядом с ним, по идее, он должен был принимать удары на себя, но разве можно было справиться с таким потоком желающих выпить? Вскоре оба, не выдержав хмеля, повалились на стол.

Братья по секте помогли донести их до кроватей, а Фан Мэн напоила их отваром, снимающим похмелье. Убедившись, что Юньсюань в порядке, она удалилась.

Юньсюань лежал в кровати, чувствуя, как кружится голова — он и не подозревал, что настолько слаб к алкоголю.

В полудрёме он почувствовал, как что-то тёплое и мягкое коснулось его губ. Следом в лёгкие проник знакомый аромат, и он тихо рассмеялся, схватив того озорника, что навалился на него сверху:

— Ну и шалости. — В его голосе не было и тени упрёка.

Тот человек нашёл удобное положение, примостившись у него на груди:

— Если бы я не пришёл сегодня, не знаю, когда бы ещё смог тебя увидеть.

— Больно? — невпопад спросил Юньсюань.

— ...Ты тоже беспокоишься обо мне? — Тот человек, полный обиды, прижался к нему ещё сильнее. — Не больно. Даже если бы ты собственными руками отрубил мне эту руку, я бы и глазом не моргнул!

— Эх, глупыш ты этакий! — Юньсюань перевернулся и прижал его к кровати. Он нежно погладил его ослепительное лицо, и сердце переполнилось жалостью: — Что мне с тобой

делать?

Человек под ним рассмеялся, но в смехе сквозила горечь:

— Ты добр ко мне только тогда, когда я ранен.

— Ты же знаешь, я...

— Твоё великое дело ещё не завершено, и ты не хочешь отвлекаться на чувства, верно? — Выбравшись из-под него, человек в красном медленно подошёл к окну. — Я никогда не забывал об этом. Поэтому я сделаю всё возможное, чтобы помочь тебе добиться успеха!

Сказав это, он обернулся и в последний раз посмотрел на Фан Юньсюаня, сидящего на кровати. В его взгляде было столько тоски, что он, стиснув зубы, совершил прыжок и скрылся в окне.

Фан Юньсюань ошеломлённо смотрел ему вслед, затем собрался с мыслями, встал и закрыл окно. Когда он вернулся в постель, на его лице не осталось и следа смущения.

На следующее утро Фан Юньсюань проснулся с раскалывающейся головой. Стоило ему собраться встать, как дверь тихо приоткрылась. Фан Мэн с подносом в руках с улыбкой вошла внутрь:

— Скорее выпей этот отвар, и головная боль пройдёт.

Юньсюань только протянул руку, чтобы взять чашу, как вдруг раздался крик, и к двери вбежал запыхавшийся младший брат:

— Старший брат, снова трупы! Учитель просит тебя немедленно явиться в парадный зал!

Фан Мэн испугалась, они с женихом переглянулись и, забыв об отваре, поспешили на выход.

В зале было полно народу. Юньсюань протолкнулся через толпу и увидел Лань Чжуня, стоявшего на коленях и приподнимавшего белый плат, пропитанный кровью. Зрелище было ужасающим: тело выглядело так, словно его растерзал дикий зверь, а из огромных рваных ран до сих пор сочилась кровь. Глаза были вырваны, а на месте носа зияла кровавая дыра.

Ученики секты Удан, стоявшие на коленях в зале, рыдали. Это был их глава!

Фан Юньсюаня замутило, и, не стесняясь окружающих, он согнулся и его вырвало.

— Старший брат! — воскликнула Фан Мэн.

Юньсюань, вычистив желудок, махнул ей рукой, но в этот момент сзади раздался грохот. Обернувшись, он поразился.

Лань Чжуй стоял на коленях, его лицо было мрачным, на лбу вздулись вены, а всё тело дрожало от гнева. Его правая рука пробила в полу дыру глубиной в фут. Камень крошился, но Лань Чжуй не дрогнул, процедив сквозь зубы:

— Перешли все границы!

Толпа затаила дыхание: слава тринадцати ударов семьи Лань была не пустой похвалой.

Фан Хуаньтянь, который лишь вчера принял титул лидера альянса, был вне себя от ярости, обнаружив утром в горах труп главы Удана:

— Не уничтожу Култ Линъинь — не быть мне человеком! — Он ударил ладонью по столу, и тот разлетелся в щепки.

Ученики секты Удан поклонились:

— Просим позволения забрать тело нашего учителя для погребения на горе Удан!

Фан Хуаньтянь кивнул и приказал слугам подготовить лошадей.

— Култ Линъинь использует боевые искусства Западных Регионов, — нарушил тишину настоятель Дэюань. — Великий злодей Тун Тяньцзы прибыл оттуда, и именно он принёс эти порочные техники.

Все вспомнили Гун Цюйчэня, приходившего днями ранее, — он ведь тоже был учеником Тун Тяньцзы.

— Неужели этот демон вернулся в мир боевых искусств?

Настоятель Дэюань покачал головой:

— Двадцать лет назад праведные секты пытались окружить и уничтожить Тун Тяньцзы, но провалились, а его магическая флейта унесла многие жизни. Култ процветал, Лес Священного Дерева стал их оплотом, и они десять лет наводили ужас на весь цзянху. А потом Тун Тяньцзы вдруг по неизвестной причине исчез. Если он тогда смог бросить култ, который был на пике своего могущества, то вероятность его возвращения сегодня крайне мала.

Настоятельница Юань Сюй из секты Эмэй добавила:

— Но нельзя исключать того, что это как-то с ним связано.

Лань Чжуй приподнял бровь:

— В таком случае, нам стоит отправиться в Лес Священного Дерева и во всём разобраться.

— Нет, мой учитель, передавая мне пост главы секты, строго наказывал не приближаться к Лесу Священного Дерева без причины, — произнёс глава Хуашаня Хэ Ифэн.

Лань Чжуй задумался:

— Я слышал, что вокруг леса постоянно стоит ядовитый туман, который истощает внутреннюю силу. Кроме того, там повсюду расставлены смертоносные ловушки. В прошлом праведные мастера не раз пытались прорваться внутрь, но все нашли там свою гибель.

— Нет в мире таких порядков, которые нельзя было бы разрушить, как нет и рек, которые нельзя перейти. — В толпе раздался хриплый, высокомерный голос. На свет вышел молодой человек в тёмно-синем изысканном одеянии, обмахивающийся складным веером.

Это был четвёртый молодой мастер клана Тан из Сычуани, Тан Лань. Ему едва перевалило за двадцать, но в цзянху его имя уже знали все. Он был мастером ядов и скрытого оружия, а также экспертом по всевозможным ловушкам.

Все оживились:

— Четвёртый мастер Тан, у вас есть способ разрушить эти ловушки?

Тан Лань улыбнулся:

— Если у меня будет немного времени, это не составит труда.

Эти слова стали для всех спасительной соломинкой.

Обсуждение затянулось до обеда. Фан Мэн отвела отца в покои отдохнуть. Юньсюань, который давно не ел, да ещё и после приступа тошноты, чувствовал себя совершенно разбитым, а желудок сводило судорогой. Он дрожащей рукой ухватился за колонну и тяжело дышал.

Лань Чжуй, выйдя из зала, сразу заметил его состояние:

— Ты как?

Юньсюань побледнел, ноги его подкосились, и у него не было сил даже на кривую улыбку.

Лань Чжуй нахмурился и, не говоря ни слова, подхватил его на руки и направился к кухне. К счастью, в коридорах никого не было, иначе Фан Юньсюаню не сносить бы лица от стыда!

— Что ты делаешь? Быстро опусти меня!

Лань Чжуй, обладая длинным шагом, быстро добрался до места. Не найдя стульев, он усадил его на поленницу и принялся искать еду.

Обед давно прошёл, повара играли в карты на заднем дворе. Лань Чжуй перерыл всё, но не нашёл ни куска хлеба. Впрочем, неудивительно — на сотню ртов в крепости вряд ли что-то осталось.

Взглянув на Юньсюаня, который с надеждой наблюдал за ним, он вздохнул, закатал рукава и начал разводить огонь, чтобы вскипятить воду.

Фан Юньсюань разочарованно протянул:

— С любимым и вода в радость? — едва договорив, он чуть не прикусил себе язык.

Лань Чжуй хихикнул и извлёк из-за спины пучок лапши, нарочно помахав ею перед его лицом.

Юньсюань расплылся в улыбке, чуть не пуская слюни.

Затем Лань Чжуй завертелся на кухне: закинул лапшу, добавил соли, лихо нарезал зелень и разбил два яйца. Юньсюань с открытым ртом наблюдал за его умелыми движениями. Этот парень ведь князь, с чего бы ему так мастерски справляться с делами слуг?

Через три минуты ароматная чаша лапши стояла перед Юньсюанем. Тот набросился на неё, как голодный волк, забыв о приличиях.

— Ешь медленнее, обожжёшься, — Лань Чжуй смотрел на него, и его голос невольно стал мягче.

Юньсюаню было не до разговоров, он был занят тем, чтобы вычистить чашу до дна.

— Почему ты умеешь готовить? — спросил Юньсюань, когда лапша закончилась. Он сидел на поленнице, поглаживая живот, и смотрел на спину Лань Чжуй, моющего посуду.

— Я много лет скитаюсь, живу один, вот и научился таким мелочам.

— Мастер Лань, я взглянул на вас по-новому! — Он встал и подошёл к Лань Чжуй. — Живя в

роскошном дворце, будучи богатым князем, зачем ты выбрал путь бродяги в цзянху?

— Я по натуре не люблю ограничений, вот и ошибся, родившись в императорской семье.

— Поэтому четыре года назад, когда все секты просили тебя стать главой альянса, ты отказался?

Лань Чжуй с улыбкой кивнул:

— Жизнь коротка, зачем связывать себя пустыми титулами?

— Но мне кажется, быть героем цзянху — нелёгкая ноша.

— О? Любопытно послушать.

Юньсюань поддел его:

— Не говоря о делах цзянху, которые требуют твоей заботы, ты ведь и государственные дела не можешь просто так отпустить.

Лань Чжуй горько усмехнулся, не отрицая этого.

— Кто из подданных династии Янь не знает о вашей глубокой братской любви с нынешним императором? И хотя ты не вмешиваешься в политику, разве император не советуется с тобой каждый раз, когда решает начать поход?

— Юньсюань, это государственная тайна династии Янь, откуда ты знаешь? — Лань Чжуй рассмеялся.

— Хм. — Фан Юньсюань свирепо сверкнул глазами, а затем его лицо вдруг стало мрачным и серьёзным: — Лань Чжуй, ты всё время строишь из себя героя, но разве ты не палач с руками по локоть в крови?! — Сказав это, он оставил ошеломлённого Лань Чжуя и быстро вышел.

Отряды разных сект уже давно собрались в Крепости семьи Фан. Посовещавшись, они решили разъехаться по домам, чтобы сектанты не нанесли удар, пока главных мастеров нет на месте.

В парадном зале глава эскортного агентства Ци Юань, Чжан Мухуай, выглядел крайне встревоженным:

— В прошлом месяце наш груз, направлявшийся в столицу, был разграблен. Все двенадцать

мастеров эскорта погибли от рук сектантов. Хотя этот груз нужно доставить только до Цзиньлина, у меня в агентстве почти не осталось защитников, а я ведь уже взялся за это дело. Глава альянса, скажите... что мне теперь делать?

Фан Хуаньтянь погладил бороду, размышляя, но Лань Чжуй уже подал голос:

— Если господин Чжан не против, позвольте мне сопровождать этот груз.

Фан Юньсюань тут же выступил вперёд:

— А я готов отправиться вместе с ним!

Чжан Мухуай просиял. Таланты Юньсюаня были первыми в мире боевых искусств, несмотря на юный возраст, он уже был одним из лучших мастеров. А о Лань Чжуйе и говорить нечего: даже Сюэ Фэй, покойный глава альянса, проигрывал ему.

— С вашей помощью я могу быть спокоен!

Фан Хуаньтянь давно хотел отправить сына набраться опыта, поэтому с радостью распорядился приготовить снаряжение.

— Старший брат, будь осторожен! — Фан Мэн, глядя на него с нескрываемой заботой, сжала его руки, не обращая внимания на присутствующих. Кризис был слишком велик, и даже лучший мастер мира Лань Чжуй не мог избавить её от тревоги.

— Не волнуйся, я быстро вернусь, — улыбнулся Юньсюань и вскочил в седло.

Чжан Мухуай боялся оставлять груз в агентстве, поэтому повёз его с собой. Это была небольшая квадратная коробка, и никто, кроме самого Чжан Мухуая, не знал, что внутри — лишь то, что это подарок к юбилею князя Чулина в Цзиньлине.

Путь от Крепости семьи Фан до Цзиньлина на резвых конях занимал три дня.

Чжан Мухуай не смел медлить. С учётом Юньсюаня и Лань Чжуя, их было два десятка человек. Столь большой отряд было трудно скрыть, поэтому они выбирали просёлочные лесные тропы.

Первый день прошёл спокойно, к ночи они добрались до городка, выкупили гостиницу и выспались.

На второй день пошёл сильный ливень, дорога превратилась в сплошное месиво, пришлось проситься на ночлег на ферме. Хозяева, молодая пара, смущённо объяснили, что у них есть только одна жилая комната, а два других сарая заняты сеном.

Чжан Мухуай не знал, что делать. Он-то привык спать в грязи, но Лань Чжуй — князь, как же он будет спать в конюшне?

Однако Лань Чжуй, поблагодарив хозяев, просто выбрал место у стены и лёг на сено. Юньсюань сел напротив, закрыв глаза. После их последней размолвки они не проронили ни слова.

Чжан Мухуай успокоился и лёг, прижимая к себе деревянную шкатулку.

Из двадцати человек половина спала, половина сторожила снаружи, меняясь посреди ночи. Но когда наступила четвёртая стража, никто не пришёл на смену.

Лань Чжуй вскочил и, крикнув, что дело плохо, выбежал наружу. Юньсюань и Чжан Мухуай, не спавшие крепким сном, вскочили следом. Оказавшись снаружи, все трое застыли. Лужайка была пуста — десятка человек и след простыл.

Чжан Мухуай покрылся холодным потом:

— Могли... могли ли они... отойти по нужде?

Лань Чжуй холодно усмехнулся: десяток человек разом отошли по нужде? Он невольно сжал рукоять меча. Мастера эскорта, вышедшие из дома, в замешательстве переглядывались.

— А-а-а! — Внезапно из глубины леса раздался душераздирающий крик, пронзивший ночную тишину.

Лань Чжуй и Юньсюань тут же рванули в лес. Чжан Мухуай, помявшись со шкатулкой в руках, решил, что рядом с Лань Чжуем безопаснее, и бросился за ними.

Как только они вошли в чащу, их ударил резкий запах крови. Юньсюань, подавляя тошноту, споткнулся о корень, и если бы Лань Чжуй не поддержал его, он бы растянулся на земле.

— Огонь! — скомандовал Лань Чжуй.

Сзади зажгли факелы, и в тот же миг лес наполнился звуками рвоты.

<http://bllate.org/book/21134/2143992>